

Теория политики

УДК 327:323.27

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.01

«Революция и дипломатия» как научная проблема

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г. «Революция и дипломатия» как научная проблема

// Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17.

№ 5. С. 6–26.

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.01

Статья поступила в редакцию 28.09.2024.

Исправленный текст представлен 27.10.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье на примере России, Индии и Китая предпринята попытка проследить взаимосвязь между такими явлениями, как революция и внешняя политика. По мнению автора, революция как явление и процесс преследует цель модернизации национальной экономики и повышения влияния страны в системе международных отношений. Для России Февральская и Октябрьская революции имели следствием уход страны с «периферии» мировой системы и превращение ее во влиятельный фактор международной жизни. Индия и Китай двигались к статусу мировых держав по своим траекториям. Однако цель этого движения для обеих стран-гигантов оставалась неизменной – «Слон» и «Дракон» стремились повысить свой геополитический статус в глобальной политике для эффективного отстаивания своих национальных интересов. Автор обращает внимание на важность демонстраци-

онного эффекта «внешнеполитической революции» в России, Индии и Китае для политического «пробуждения угнетенных» (то есть основной части человечества), начинающих активно отстаивать идеи и принципы нового, полицентрического мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, дипломатия, внешняя политика, революционный цикл, Россия, Индия, Китай, полицентрический мир, «век унижения», концепция «давление – компромисс – давление».

Современный быстро меняющийся мир ставит перед общественными науками проблемы, от теоретического осмысления которых во многом зависит будущее ойкумены. В ряду этих проблем важное место принадлежит разработке проблематики внешнеполитического комплекса общественнознания, в частности взаимосвязи расстановки социально-политических сил

в той или иной стране и ее проекции в глобальное пространство. Конкретно речь идет о соотношении внутренней и внешней политики (как было принято говорить раньше), или, что выглядит предметнее, о диалектике факторов преемственности и изменений в практике дипломатии, особенно в эпоху качественных перемен в международной жизни. Как представляется, нынешняя «турбулентность» международной жизни многократно повышает необходимость разработки таких тем, как диалектика взаимоотношений внутриполитических сдвигов и их проекции в сферу международных отношений. Установление закономерностей и тенденций, действующих на этом своеобразном и изменчивом «поле», может оказать содействие пониманию перспектив установления мирового порядка, отвечающего интересам основной части человечества.

Изучая восходящие, попятно-возвратные и боковые движения всемирно-исторического процесса, мы имеем возможность наблюдать существенные сдвиги в расстановке социально-политических сил в конкретных странах, с одной стороны, и устойчивую преемственность внешнеполитического курса государства, обосновываемую необходимостью защищать национальные интересы, – с другой. Иллюстративен пример Франции, где революционные перемены 1789–1794 гг. не повлияли на характер «имперского» внешнеполитического курса. Более того, французская колониальная система сформировалась уже в «республиканский» период развития этой страны. Еще более показательным является пример Соединённого Королевства, где Английская буржуазная революция 1641–1649 гг. «реактивно» трансформировалась в завоевание Ирландии – «изумрудного острова» и в покорение Шотландии (1651),

что послужило основой формирования будущей Британской империи. Уже в наши дни, оценивая значение тех событий, видный футуролог Х. МакРей не без иронии писал: Англия скоро завершит более чем 300-летний «колониальный эксперимент» и вновь станет былой Англией, то есть «свыкнется с идеей ответственности за судьбы лишь своих граждан, но не других народов» [McRae, 1995, p. 234].

Представляется, что наиболее перспективными объектами изучения выступают три представителя Мирового большинства: Россия, Индия и Китай. Эти три государства-цивилизации представляют собой внушительную силу в современной глобальной политике, выступают за трансформацию мирового порядка, превращение его в процесс, отвечающий интересам человечества в целом. «Центральность» этих трех стран в геополитике в Евразии подтверждается многочисленными публикациями и не требует доказательств. Может, однако, сложиться впечатление, что Россия (и империя, и Советский Союз) принадлежит иному, «развитому» миру. Ведь Российская империя проводила захватническую политику на Дальнем Востоке, добываясь раздела сфер влияния с другими «великими державами», имела свои геополитические интересы на Балканах и т. д. Однако первая промышленная революция отодвинула Россию на «периферию» мировой политики, что было официально зафиксировано Парижским мирным договором (1856) и Портсмутским миром (1905). К началу XX в. мировая политика была четко разделена на Запад и не-Запад, и место России было среди «остальных» стран. Таким образом, преодоление «периферийного» положения в международной системе стало альфой и омегой политики России, Индии и Китая. В данном случае особенности их ста-

туса (независимый периферийный, полукOLONиальный, колониальный) не имели принципиального значения для выработки основ *суверенного* государственного курса.

Уплотнение революционного цикла и смена внешнеполитической парадигмы: исторический опыт России

Многочисленные примеры подобного характера лишь подтверждают тезис о том, что экономические и политические парадигмы развития общества могут меняться; в то же время национальные интересы / внешнеполитический курс остаются неизменными. Наиболее «выпуклым» примером такого рода предстает постсоветская Россия, чья «либеральная» внешняя политика (то есть возврат к «периферийному» внешнеполитическому поведению, характерному для досоветского периода, по крайней мере с 1856 г. и фактический отказ от принципов суверенитета) была довольно быстро отвергнута самой жизнью, и ей на смену пришел курс «стратегической автономии» в мировом пространстве. Данное утверждение «имеет прямое отношение и к нашему восприятию российской и советской дипломатии тех (то есть первых постреволюционных – А.В.) лет. Сегодня ее развитие видится нами как целостный процесс, участники которого, какие бы идеологические противоречия их не разъединяли, работали на благо своей страны, будущего России и заслуживают достойного места в национальной истории»¹.

Целесообразно вспомнить, что к началу XX в. Россия вплотную приблизилась к Франции по показателю ВВП, превзойдя последнюю по выплавке стали и чугуна [Шепелев, 1987, с. 15]. В 1904–1909 гг. среднегодовые темпы прироста промышленного производства в Российской империи составляли 5% [Шепелев, 1987 с. 17]. В это время российская промышленность деятельно перестраивалась, обновлялась ее элементная база, шла концентрация производства, происходило слияние предприятий. Хорошие урожаи 1909 и 1910 гг., а затем 1912 и 1913 гг. имели следствием увеличение импорта машин и оборудования для развивающейся отечественной промышленности. В этот же период заметно увеличилось применение в экономике электроэнергии и двигателей внутреннего сгорания. Статистика показывает: в 1913 г. Россия занимала среди других стран по добыче нефти 2-е место, по потреблению хлопка – 3-е, по выпуску продукции машиностроения и производству стали – 4-е, по выплавке чугуна и добыче каменного угля – 5-е, по добыче железной руды – 6-е².

Очевидными препятствиями на пути роста промышленного производства были, с одной стороны, недостаточная для современного образа жизни покупательная способность населения (прежде всего в сельской местности), а с другой – сохранение многочисленных ограничений предпринимательской деятельности. Также одной из отрицательных особенностей государственного управления Российской империи была несогласованность действий отдельных министерств, пе-

1 Революция 1917 года. Русская и советская дипломатия в документах архивов МИД России. – URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/revolyutsiya-1917-goda-russkaya-i-sovetskaya-diplomatya-v-dokumentakh-arkhivov-mid-rossii/ (дата обращения: 14.08.2024).

2 Мировое хозяйство. Сборник статистических материалов за 1913–1927 гг. – Москва: ЦСУ СССР, 1928. – С. 2–11, 23.

реходившая нередко в междоусобную борьбу. Для устранения этого вредного для общества явления предлагалось создание Совета Министров с целью реализации единства исполнительной власти. Наконец, в октябре 1905 г. был образован Совет Министров, призванный объединить деятельность всех министерств правительства. Можно сказать, что в начале XX в. перед российским обществом, включенным в жесткое соревнование с промышленно развитыми странами, объективно встала задача модернизации экономических и политических институтов, способных на равных конкурировать с лидерами мировой экономики. В самом обществе ощущалась недостаточность усилий государственной власти для организации мощного спурта модернизации.

Неудовлетворенность социально активных слоев общества темпами и глубиной модернизации страны диктовалась и обстоятельствами сугубо геополитического происхождения. У России не было «исторического времени» для повторения западного опыта общественной трансформации. Недостаточная социальная дифференциация крестьянства, характер рабочего класса (тысячами нитей связанного с деревней и традиционалистскими/сельскими моделями экономического и политического поведения), историческая «недоразвитость» русской буржуазии – эти и другие факторы породили исключительную роль государства в мобилизации необходимых финансовых ресурсов и для форсированной индустриализации, и для устранения затруднений финансово-экономического характера. Логикой самой русской истории «государство было вынуждено принять на себя эти экзистенциальные функции потому, что был поставлен под угрозу статус России как великой державы» [Patterns

of European Industrialization..., 1991, p. 248–249]. Немаловажную стимулирующую роль в мобилизации российского общества на модернизацию страны сыграли и плачевные итоги Русско-японской войны 1904–1905 гг., отразившиеся в тяжелых условиях Портсмутского мира (1905).

Развитие России в начале XX в. имело крайне противоречивый характер. Препятствия модернизации соседствовали с накоплением потенциала для экономического спурта, второй промышленной революции в России (1907–1913). Так, по мнению А. Гершенкрона, в начале XX в. Россия начала выходить на траекторию форсированной модернизации, напоминающую германский путь развития, хотя и в менее артикулированной форме [Gerschenkron, 1968, pp. 247, 223]. Иначе говоря, под воздействием глобальных исторических процессов развитие России начинает ускоряться, а управление этим развитием требует новых, политических, методов, в которых принуждение всё чаще преобладает над убеждением.

Цикл исторического развития страны уплотняется (в том числе под воздействием второй промышленной революции 1907–1913 гг.), и сегодня методологическое разделение Февральской и Октябрьской революций выглядит менее убедительно, чем это казалось историкам в годы перестройки и запуска либеральных реформ. С учетом постоянно возрастающего в начале XX в. давления мировых геополитических процессов на развитие России всё более очевидной становится плотная взаимосвязь этих двух исторических событий, понимание очевидности представления о том, что Февральская и Октябрьская революции – это части единого *двухтактного* исторического цикла/процесса, имевшего целью форсированную модернизацию нашей страны, «увод» ее с периферии миро-

вой системы и преодоление Россией подчиненного положения в международных отношениях.

Сегодня складывается впечатление: если Февральская революция решила задачу демонтажа абсолютной монархии и ее институтов, непригодных для развития России в условиях быстро развивающихся экономических систем индустриального Запада, то революция Октябрьская преследовала вполне конкретную цель – *создать* в стране систему институтов, способных обеспечить конкурентоспособность Советского Союза в условиях соревнования с экономическими и политическими системами, «вырвавшимися» вперед в результате промышленных революций XIX в. В «Апрельских тезисах» В.И. Ленина, полагал известный британский историк П. Фердинанд, содержалась идея «ускорения» исторического процесса. В сложившихся условиях, продолжает автор, «отсутствовала «китайская стена», отделявшая друг от друга две русские революции. Впоследствии фактическое слияние во времени буржуазно-демократического и социалистического этапов революционного процесса оказалось еще более акцентированным в Китае и Югославии, где обе революции (буржуазно-демократическая и социалистическая – А.В.) слились в единый общественный процесс» [Ferdinand, 1991, p. 16].

Современные историки отечественной дипломатии констатируют: «Значительные последствия для внешнеполитического ведомства, его деятельности и дипломатической службы в целом повлекли за собой Октябрьская революция и победа большевиков. Установка на прекращение войны

(Первой мировой – А.В.) была воспринята сотрудниками МИД как предательство, не оставлявшее возможности для сотрудничества. В результате впервые в истории России произошла полная замена дипломатического аппарата, и место Министерства иностранных дел занял Народный комиссариат по иностранным делам (НКВД)»³. Впрочем, данный тезис выглядит polemически заостренным, поскольку многие дипломаты довольно быстро разобрались в сложности геополитической ситуации конца 1910-х годов и оперативно включились в работу по отстаиванию интересов Отечества.

Новая власть фактически заново создавала свою дипломатию и внешнюю политику. «Это был непростой и тернистый путь, с ошибками, срывами и неудачами, однако в итоге он завершился формированием успешно работавшего ведомства и устойчивого международного курса. Несмотря на *формальный разрыв с прошлым* (курсив мой – А.В.), этот курс, как и прежде, был нацелен на укрепление российского государства, его безопасности и продиктован национальными интересами. Убеждаясь в иллюзорности расчетов на мировую революцию «в самом ближайшем будущем», подразумевавших бесполезность традиционной дипломатии и внешней политики, советское руководство приступило к выстраиванию отношений с зарубежными государствами, исходя из принципов мирного сосуществования»⁴. В данном правильном положении присутствует, однако, элемент дискуссионности: советское государство никогда не предполагало

3 Революция 1917 года. Русская и советская дипломатия в документах архивов МИД России. – URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/revolyutsiya-1917-goda-russkaya-i-sovetskaya-diplomatya-v-dokumentakh-arkhivov-mid-rossii/ (дата обращения: 14.08.2024).

4 Там же.

проводить ревизию существовавшей системы международных отношений. В отличие от побежденных во Второй мировой войне государств, Германии и Японии например.

Итак, состояние России в 1917 г. становилось угрожающим. «Периферийное» положение империи усугублялось тяготами войны, а также явлениями более общего порядка, в частности свекорыстной политикой Запада. Особенности внутренней и внешнеполитической ситуации стран, подобных России, ощущались классиками общественной мысли, в частности А. Тойнби. «Всемирное распространение западных ценностей, технологий, культуры, образования Тойнби оценивал положительно, но указывал на то, что экспансия Запада имела агрессивный характер, определялась стремлением включить в зону своей политической власти как можно больше территорий и народов» [Уколова, Шкаренков, 2020, с. 62]. Большевицкий проект «реинкарнации» России (в виде Советского Союза или «Соединённых Штатов России») преследовал цель преодолеть тяготившую «пассионарную» часть российского общества, «периферийность» страны в мировой системе и, образно говоря, вернуться к славным временам Екатерины Великой, Суворова, Кутузова, Ушакова и других выдающихся представителей Отечества.

В 1917 г., если пользоваться стилистикой А. Тойнби, последовал «контрудар» России по западоцентричной мировой системе. «Контрудар», о котором писал А. Тойнби, оценивая роль Октябрьской революции в отечественной и мировой истории, преследовал цель тотального отказа от модели «периферийного капитализма», которую в художественной форме глубже ко-

го-либо изобразил Ф.М. Достоевский (романы от «Преступления и наказания» до «Братьев Карамазовых»). Показательно, что В.И. Ленин, не принимая Ф.М. Достоевского как писателя, говорил В.Д. Бонч-Бруевичу (управляющему делами Совета народных комиссаров/правительства) о концептуальном отрицании Ф.М. Достоевским капитализма вообще – как западного «классического», так и российского «периферийного».

Октябрьская революция, отмечал А. Тойнби, «была антизападной только в том смысле, что Запад в определенной мере отождествлялся с капитализмом. Однако в любом другом проявлении враждебность по отношению к Западу или какой-либо иной цивилизации отсутствовала. Марксистское учение не признает наличия границ между нациями или между обществами по вертикали, но проводит четкие горизонтальные линии, разделяя общество на классы, которые, в свою очередь, не знают межнациональных и культурных границ. Подобно историческим высшим религиям, марксизм содержит в себе некоторое вселенское обетование» [Тойнби, 1991]⁵. От себя добавим: в послеоктябрьских работах В.И. Ленина очень часто встречаются призывы к «рационализации» русского капитализма; в данном случае капитализм (в форме государственного капитализма) выступает как инструмент институциональной модернизации России за счет всемерного развития «сверху» индустриального способа производства. Данный тезис не противоречит фактам финансирования обеих революций зарубежными «спонсорами», о чем нередко говорят сегодня публицисты и пропагандисты либеральной ориентации.

5 Цит. также по: Тойнби о России и Западе. – URL: <https://meotis.livejournal.com/74898.html> (дата обращения: 18.08.2024).

Действительно, о самостоятельности действий лидеров Февраля практически ничего неизвестно, тогда как о политической субъектности большевиков во главе с Лениным и части генералитета (который настаивал на решительном разрыве с архаической экономической и политической системой) написано несколько доказательных работ монографического плана [Бьеркегрэн, 2007]. При ретроспективном анализе событий тех лет обнаруживается, что Февральская и Октябрьская революции были частями одного большого исторического цикла, или попыткой совершить модернизационный спурт, и тем самым были в чем-то похожими на институциональную революцию «Мэйдзи исин» (1867–1868), тем более что внешние условия бытования и Японии, и России (давление из центров управления тогдашнего мирового порядка) были принципиально схожими. В связи с этим отметим, что внешняя политика большевистской России («курс Ленина – Чичерина») отличалась лишь большей решительностью в отношении «коллективного Запада» по сравнению с дипломатическими методами ее исторических предшественников, но никак не характеризовалась желанием противопоставить себя «цивилизованному миру», то есть разрушить действовавшую систему международных отношений. Показательно, что советская внешняя политика, опиравшаяся на стратегию форсированной модернизации российского общества, встречала всё возрастающее понимание в кругах эмигрантов, покинувших страну после Октябрьской революции. Понимание трансформировалось в поддержку СССР в годы Великой Отечественной войны.

Критики Октябрьской революции нередко ссылаются на доминанту

идеологии в политике большевиков, при этом утверждая, что советская дипломатия действовала под «неусыпным» контролем идеологов коммунистической партии, которые никогда не отступали в противостоянии здравому смыслу. Однако более пристальный взгляд на соотношение идеологических императивов и прагматизма в советской внешней политике рисует весьма сложную картину. Так, авторитетный исследователь истории внешней политики Советского Союза Н.И. Капченко отмечал: «...самой главной чертой внешнеполитической стратегии Сталина был радикальный пересмотр взглядов на мировую революцию и выработка стратегии превращения России в самодостаточную и мощную в военно-экономическом плане державу мира» [Капченко, 2006]⁶. Ретроспективный взгляд на деятельность советской дипломатии показывает: в межгосударственных отношениях СССР неизменно следовал принципам внешнеполитической практичности, и на этом поле деятельности идеологии оставалось совсем немного места, чтобы заявить о себе.

Так, ввод «ограниченного контингента» советских войск в Афганистан в конце 1979 г. был продиктован сугубо практической задачей, существо которой состояло в ограничении влияния Исламской революции 1978–1979 гг. в Иране на развитие советских республик Средней Азии. Иными словами, партийно-государственное руководство СССР чувствовало угрозу существованию светских общественных и политических институтов в центральноазиатском регионе, основы которых были заложены Российской империей и Советским Союзом. Впрочем, фактор идеологии во внешней

6 Цит. по: Глава 5. Международные аспекты политической деятельности Сталина. – URL: <https://litres.ru/chitat/ru/%D0%9A/kapchenko-nikolaj-ivanovich/politicheskaya-biografiya-stalina-tom-2/7> (дата обращения: 10.09.2024).

политике СССР всё же был заметен в отношениях КПСС с коммунистическими и рабочими партиями зарубежных стран. Однако и на этом направлении дипломатической деятельности доминировали геополитические установки сугубо практического свойства, которыми пользовалось партийно-государственное руководство СССР. «Идеологические диспуты» с Югославией и Китаем были, как представляется, своеобразным воплощением традиционных для «обитателей» Кремля давних, не тронутых временем имперских установок «третьего Рима», тогда как события в Венгрии (1956) и Чехословакии (1968) были продиктованы опасениями разрушения «защитного вала», воздвигнутого против Запада по итогам Второй мировой войны.

На полях заметим, что видные политические мыслители Запада вынуждены признать как минимум наличие исторической (а не идеологической) подосновы у советской внешней политики. Так, Г. Киссинджер отмечал, что «глобальная стратегия Сталина имела комплексный характер. Он (Сталин – А.В.) был убежден, что капиталистическая система неизбежно продуцирует войны; поэтому окончание Второй мировой войны в лучшем случае является перемирием. <...> Целью советской [внешнеполитической] стратегии поэтому было достижение максимальной безопасности (для СССР – А.В.) в преддверии неизбежной новой пробы сил. Сталинская дипломатическая стратегия имела целью максимальное продвижение границы безопасности (Советского Союза – А.В.) на запад и ослабление государств, находящихся за контуром безопасности (то есть обществ Западной Европы – А.В.), с помощью местных коммунистических партий, а также тайных операций» [Kissinger, 2014, pp. 272–273]. Данное представление из уст авторитетного

историка и дипломата воспроизводит логику внешнеполитических рассуждений президента Ф.Д. Рузвельта, который полагал, что «Сталин видел мир похожим на представления Рузвельта образом и что враждебность и недоверие генералиссимуса к Западу вытекали из пренебрежения западных лидеров по отношению к советской России, открыто демонстрировавшихся после [Октябрьской] революции» [Kissinger, 2014, p. 274].

В ходе нынешних острых политических дискуссий о внешнеполитическом наследии СССР порой приходится слышать мнение о целесообразности отобрать «советские» дипломатические принципы и практики, которые можно было бы «взять с собой» в нынешнее «прогрессивное» время. Ирония ситуации, однако, состоит в том, что советская дипломатия была правопреемницей дипломатии императорской России, тогда как «перестроечная» дипломатия и дипломатия «новой России» оказались отклонением от общепринятой практики защиты национальных интересов страны. «Дипломатия подобострастия», как известно, довольно быстро показала свою неэффективность и ущербность, и власти страны начали постепенно возвращаться на путь реализма и здравого смысла. Таким образом, вопрос о преемственности внешнеполитической парадигмы страны, как представляется, должен ставиться несколько иначе, а именно: какие новые идеи «дипломатии перестройки и новой России» останутся актуальными сегодня, завтра и послезавтра? Думается, что таковых две: «Делийская декларация» и «Новое политическое мышление» 1986 г. В конце 1980-х – начале 1990-х годов эти идеи предлагались руководством страны с позиции слабости и потому не были всерьез восприняты «коллективным Западом».

Сегодня, после начавшегося «протрезвления» Запада, их можно было бы предложить вновь. На сей раз – с позиций геополитического реализма. В связи с этим целесообразно заметить, что уместность «нового политического мышления» в отношениях с «коллективным Западом» еще придется доказывать российскому обществу, которое в последние 10 лет имело возможность убедиться в неискренности западных «партнеров» и потому выступает за отношения с «золотым миллиардом» исключительно с позиции силы.

Исследуя соотношение факторов преемственности и изменений во внешней политике России, «проницательный читатель» (Н.Г. Чернышевский) вправе поставить вопрос: отечественный опыт уникален? Или же существуют другие содержательные примеры возвращения к суверенитету и «стратегической автономии» во внешней политике? Представляется, что парадигму «возвращения к суверенитету» целесообразно проверить на исторической эволюции внешнеполитических представлений у «стран-гигантов» современного мира, прежде всего Индии и Китая, наиболее населенных государств ойкумены.

Обретение суверенитета и трансформация внешней политики: Индия

В советской историографии, как известно, траектории обретения независимости собирательно описывались дефиницией «национально-освободительная революция». Правда, данное определение сопровождалось существенной оговоркой, суть которой состояла в том, что национально-освободительные движения разнились по своему характеру, в частности по степени своей *радикальности*.

В этой общей классификации Индия оказывалась в «умеренной» подгруппе, тогда как Алжир, Вьетнам и другие страны образовывали общность «радикалов». Разделение на «умеренных» и «радикалов» возникло, как известно, в 1955 г., во время Бандунгской конференции, проложившей путь к созданию Движения неприсоединения. Думается, что поэтапный («умеренный») путь к независимости, характерный для бывших британских колоний, вытекал из концепции «содружества наций», разработанной лейбористской партией в 1920-е годы и значительно снизившей радикализм требований лидеров освободительного движения и к имперской власти, и к организации постколониального устройства освободившихся обществ. Лейбористский подход к суверенитету бывших колоний не без оснований имел иное название – «социализация империи» [Судейкин, 1976].

«Индийский путь» к независимости имел *поэтапный* характер и использовал своеобразную инструментальную «схему» *давление – компромисс – давление*, разработанную Махатмой Ганди на этапе борьбы за суверенитет. Суть данной инструментальной «схемы» состояла в том, чтобы ненасильственное давление на колониальные власти (к тому же учитывавшее реакцию общественного мнения в стране-метрополии) сопровождалось временным политическим компромиссом с Британским Раджем, а затем возобновлялось с новой силой. И так – до победного конца. Такого рода тактика оказалась довольно эффективной при завоевании суверенитета. Неудивительно поэтому, что лидеры независимой Индии до середины 1960-х годов нередко применяли принципы политического компромисса в отношениях не только с бывшей метрополией, но и с дру-

гими государствами послевоенного мира. Также неявную, но важную роль в дипломатии и внешней политике независимой Индии на начальном этапе ее развития сыграл фактор «зрелого» возраста лидеров движения за суверенитет [Madhav, 2022, p. 27], которое в индийской историографии нередко называют стремлением к «передаче власти» (*transfer of power*). Отсутствие «пассионарности», характерной для «капитанов» Французской революции конца XVIII в., а равно и русских большевиков, предопределило и осторожный стиль внешней политики Индии до середины 1960-х годов, в частности нежелание Дж. Неру и его соратников порывать с проверенными жизнью компромиссными традициями национально-освободительного движения.

Однако в середине 1960-х годов, после смерти Дж. Неру, сама жизнь поставила индийский правящий класс перед необходимостью смены внешнеполитической парадигмы. Можно с определенностью утверждать, что *водоразделом*, предопределившим смену внешнеполитической парадигмы, стал крайне неудачный для Индии пограничный конфликт с Китаем 1962 г., фундаментально пошатнувший «философские» основы всей доктрины поведения этой страны во внешнем мире. Ответственность за новую внешнюю политику взяла на себя премьер-министр Индира Ганди (1966–1977, 1980–1984). Стоит отметить, что значительную интеллектуальную поддержку формированию новой внешнеполитической парадигмы оказали такие первоклассные мыслители, как П.Н. Хаксар, Т.Н. Кауль, Р. Као, Д.П. Дхар, Г. Партхасаратхи, П.Н. Дхар. Сама И. Ганди оказалась способной не только обобщать предлагавшиеся премьер-министру идеи, но и действовать самостоятель-

но и решительно на основе не только уже полученного в коридорах власти опыта, но и повседневного анализа событий и процессов в мировой и региональной политике. Состав советников при И. Ганди стал заметно шире, тогда как решения принимались *синклитом*, то есть внутренним кругом премьер-министра после тщательных обсуждений. Такая форма принятия стратегических решений не приветствовалась оппозицией, и уже в середине 1970-х годов появились критические статьи о формировании в стране «внеконституционного центра власти» в лице ближайших советников И. Ганди. Однако ретроспективный взгляд на события тех лет подтверждает: создать принципиально новую внешнеполитическую парадигму было возможно лишь в результате «интеллектуального штурма», но никак не в процессе межпартийной дискуссии. Можно предположить, что окончательное решение о смене внешнеполитической парадигмы созрело у И. Ганди (в то время министра информации и радиовещания) после индийско-пакистанской войны 1965 г., которая подтвердила нежелание США и Запада в целом учитывать интересы безопасности Индии, оказавшейся в условиях жесткого геополитического противостояния с «великим северным соседом», Китаем.

Динамично менявшаяся международная ситуация второй половины 1960-х годов определенно торопила Индию к принятию долгосрочных внешнеполитических решений. Наметившееся в 1966–1967 гг. (первоначально в кулуарах ООН) сближение США и Китая всерьез обеспокоило официальные круги в Дели. Еще одним настораживающим фактором для официального Дели стала возможность «исторического» противника Пакистана взять на себя посредническую роль в налаживании амери-

кано-китайского диалога. Для «крупнейшей демократии мира» поиск геополитического союзника оказался быстротечным. В условиях обострявшегося идеологического диспута Советского Союза и Китая естественным союзником для Дели виделась Москва. После встречи премьер-министра И. Ганди и председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина (май 1969 г.) постепенно начали прорисовываться контуры будущего Договора о мире, дружбе и сотрудничестве 1971 г. Иными словами, как конкретизирует свою мысль индийский историк-международник З. Даулет Сингх, «...в представлении Индиры Ганди выглядело разумным использовать фактор [общемирового] баланса сил для расширения свободы действий на [индостанском] субконтиненте» [Daulet Singh, 2019, с. 212]. В то же время маститый автор был вынужден признать, что Индия получила от СССР больше, чем Советский Союз предполагал получить в обмен, поскольку официальный Дели уклонился от прямой поддержки идеи Москвы о коллективной безопасности в Азии [Daulet Singh, 2019, р. 214]. В начале 1970-х годов аналитики на Западе были вынуждены констатировать «реактивный» рост геополитического влияния Индии; наиболее весомой причиной такого роста стало «стратегическое союзничество» Индии и СССР. Наконец, помимо очевидных внешнеполитических выгод, новые отношения с Советским Союзом позволили И. Ганди с позиции силы вести диалог со своими неуступчивыми внутренними оппонентами.

Разумеется, советское руководство, развивая союзнические отношения с Индией, преследовало свои конкретные и прагматические геополитические цели. Цели советской внешней политики в Южной Азии состояли в следующем. Во-первых, необходимо было мак-

симально ограничить влияние Китая и США не только в регионе, но и в Азии в целом. Во-вторых, требовалось нейтрализовать потенциальную и реальную антисоветскую направленность геополитического «треугольника» США – Пакистан – Китай [Daulet Singh, 2019, р. 304]. В связи с этим, немного забегая вперед, отметим: в эпоху «возвращения истории» в индийское общество вернулась память о былом величии. Сегодня в стране, образно говоря, всё чаще напоминают друг другу о том, что еще в 1820 г. валовой внутренний продукт (ВВП) Индии и Китая составлял 49% объема мировой экономики: на Индию приходилось 16%, тогда как на Китай – 33%. В то же время ВВП Западной Европы составлял 24%, у Восточной Европы он не превышал 9%, тогда как у Соединённых Штатов Америки – всего лишь 2% [Smith, 2007, р. 23]. Тяга к переменам на экономическом фронте ощущалась уже в начале 1990-х годов. Так, министр финансов Манмохан Сингх (впоследствии премьер-министр, 2004–2014), выступая в индийском парламенте в 1991 г., процитировал максиму Виктора Гюго: «Никакая сила земная не останавливает идею, время которой пришло» (*No power on earth can stop an idea whose time has come*). Спустя 10 лет М. Сингх «расшифровал» смысл этого афоризма: «...мы находились в состоянии кризиса и должны были начать фундаментальные структурные изменения. В ходе этого процесса должна была возникнуть новая Индия – Индия, где нет места бедности, где существует свобода от лишений, невежества и болезней. С этими переменами к Индии придет статус одного из главных действующих лиц мировой экономики. Именно этот образ глобальной Индии вдохновлял нас на экономические реформы (1991 г. – А.В.)» [Smith, 2007, р. 88–89].

Итак, мы наблюдаем второе важное проявление «внешнеполитической ре-

волюции», на этот раз в наиболее населенной стране мира. Если в период холодной войны первый премьер-министр независимой Индии Дж. Неру ставил ударение на *системе коллективной безопасности* в Азии с постоянной «оглядкой» на позиции США и Англии (к тому же сопровождаемой попытками умиротворения Поднебесной и интеграции КНР в существовавшие международные институты), то его дочь, И. Ганди, с самого начала своей премьер-министерской легислатуры выбрала традиционную установку дипломатов – использование фактора общемирового *баланса сил*, искусно сопрягая глобальный и региональный подходы при разработке государственного курса страны. Внешнюю политику такого рода издавна принято классифицировать как *realpolitik*, а ее смысл состоит в сознательном акцентировании национальных интересов и подчеркнутым невниманием к «зависимым» от традиционных центров силы внешнеполитическим установкам. Сопоставляя советский/нынешний российский «случай» с индийским, мы видим общую характеристику, внутренне присущую обоим внешнеполитическим моделям, а именно преодоление «периферийного» положения в международной системе и зависимого стиля мышления элит. Стратегической целью данного перехода является построение *многообразного* мира, воспроизводящего себя в принципе полицентрической организации ойкумены. «Революционность» обеих моделей, как представляется, состоит в сознательном желании обоих субъектов международных отношений качественно изменить *западоцентричный* мировой порядок, эксплуатировавший человечество в течение пяти веков и пришедший в негодность под воздействием естественных исторических процессов.

«Век унижения» как предыстория и движущая сила геополитической революции: историческая трансформация дипломатии современного Китая

Для темы «революция и дипломатия» очевидный теоретико-методологический и практический интерес представляет, по мнению автора, трансформация внешней политики Китая после 1 октября 1949 г., то есть после образования КНР. Китай, на наш взгляд, представлял собой еще один, третий, подвид «периферийного» функционирования государства в международной системе. Если Россия оставалась после Парижского мирного договора 1856 г., сильно ограничившего политический суверенитет страны, независимым государством, оттесненным на периферию международной системы (а Русско-японская война 1904–1905 гг., как казалось Западу, закрепила «маргинальный» геополитический статус империи), а Индия была «жемчужиной» Британской короны, то Поднебесная занимала своеобразное *промежуточное* положение. Смысл данной «промежуточности» состоял в том, что внутренняя слабость китайского государства имела следствием активизацию хищнической политики Запада и Японии на обширном территориальном пространстве, итогом которой стало *полуколониальное* положение некогда великой империи, которая оказалась разделенной на несколько сфер влияния.

Трагическое положение Китая в период от Опиумных войн (1839–1860) до образования КНР (1949) прочно обосновалось в исторической памяти народа в образе «века унижения» [Jacques, 2009, p. 72]. «Век унижения» нашел свое отражение и в общественной мысли Китая. Так, выступая на церемонии

провозглашения Китайской Народной Республики (1 октября 1949 г.), лидер китайских коммунистов Мао Цзэдун, в частности, сказал: «Китай всегда был великой, мужественной и трудолюбивой нацией; только в наше время он отстал. И это произошло исключительно из-за угнетения и эксплуатации со стороны иностранного империализма и внутренних реакционных правительств» [Hiro, 2010, p. 151]. «Реактивный» экономический рост Китая, не имеющий аналогов в мировой истории, превратил Поднебесную в геоэкономического и геополитического гиганта. По сути дела, КНР имеет все шансы вернуться на позиции, которыми Китай обладал до 1820 г., когда на эту страну приходилась одна третья часть мирового ВВП [Hiro, 2010, p. 147]. Естественно, что повышение глобального геополитического статуса потребовало качественных, «революционных» изменений в стратегии и тактике китайской дипломатии.

«Век унижения» имел катастрофические последствия для экономики и общества Китая. Этими последствиями были неустойчивый экономический рост, инфляция, дефляция, рецессия, перепады уровней социально-экономического развития регионов страны, значительный разрыв между положением состоятельных и уязвимых групп населения, между, говоря обобщенно, городом и сельской местностью. Сложившееся положение, усугубленное эксцессами «культурной революции» (1966–1976), требовало «революционных» методов исправления, не укладывавшихся в прокрустово ложе западных либеральных теорий. Руководство КНР, в отличие от лелеяемых многими западными экономистами консолидации институтов и практик рыночной экономики (как ее понимали в США и других странах «золотого миллиарда»), обратилось к совершенствованию идей

и принципов государственного капитализма, предполагавших целенаправленное воздействие на народное хозяйство с целью исправления диспропорций, оставшихся в наследство от эпохи *зависимого капиталистического развития*. Движущей силой общественных преобразований после 1 октября 1949 г. стала Коммунистическая партия Китая, созданная в условиях подполья в июле 1921 г. Одним из важных инструментов воздействия политической власти на стихийные процессы в экономике мыслилась подконтрольная государству банковская система.

Социально-экономической подосновой «экономической революции» в народном Китае стала концепция «четырех модернизаций» (сельского хозяйства, промышленности, национальной обороны и науки), официально выдвинутая летом 1978 г. Дэн Сяопином (авторство которой, впрочем, принадлежало Чжоу Эньляу, премьеру Госсовета КНР). Создание «плановой социалистической товарной экономики» и реализация проекта «социалистической модернизации» мыслились руководством КНР в процессе стимулирования роста доходов сельских домохозяйств, осторожной «автономизации» (то есть расширения самостоятельности) государственных предприятий, снижения макроэкономического значения *директивного* центрального планирования, а также привлечения прямых иностранных инвестиций в экономику Китая. Накопление сил предполагало значительную роль иностранной помощи, поэтому внешняя политика КНР на начальном этапе модернизации не предполагала открытого конфликта с «коллективным Западом» и, возможно, в чем-то напоминала модель завоевания суверенитета в Индии, тактической основой которой стала уже упомянутая траектория *давление – компромисс – давление*.

Стратегия модернизации, однако, не предполагала «отлучения от исто-рии» Мао Цзэдуна, который рассма-тривался как лидер борьбы за изгнание из Китая иностранных интервентов и создание современного («социали-стического») государства на китайской земле. Да и сама дипломатия КНР «пос-ле председателя Мао» отличалась из-вестной идейной последовательностью и преемственностью; Китай активно поддерживал «пробуждение угнетен-ных», ныне относимых к государствам Глобального Юга, или Мирового боль-шинства. Своеобразной «памяткой» для китайских хозяйственников и ди-пломатов на будущее стали тезисы Дэн Сяопина, которые суммировались следующим образом: «Спокойно на-блюдайте за миром и анализируйте текущие события; терпеливо и бес-страшно относитесь к изменениям; обеспечивайте стране надежное поло-жение; скрывайте наши достижения, воздерживайтесь от откровенности [в общении с иностранцами]; уступай-те в мелочах, держа в уме долгосрочные интересы Китая; не рассуждайте о на-ших потенциальных возможностях; всегда будьте сдержанными в оценках внутренней и международной ситуа-ции; умеете властвовать собой, забудь-те о воинственной риторике и полити-ке, об угрозах соседям или глобальному миру; наконец, избегайте принимать на себя роль лидера в стремлении до-биться результатов. Словом, избегайте конфликтов и энергично развивайте нашу экономику» [Hiro, 2010, p. 157]. Иначе говоря, форсированное прове-дение «четырех модернизаций» имело своей целью новую роль Поднебес-ной в мировой экономике и политике, но должно было иметь максимально скрытый характер. Ретроспективно мы

можем утверждать, что руководство КНР в принципе достигло целей «мало-заметности» при осуществлении стра-тегии геополитического восхождения Китая.

«Скромность» геополитического по-ведения Поднебесной принесла стране зримые практические результаты. Уже в 2008 г., через тридцать с небольшим лет после смерти Мао Цзэдуна, объ-ем прямых иностранных инвестиций в народное хозяйство КНР составил внушительные 92,4 млрд долл. [Hiro, 2010, p. 157]. Эффективным фактором управляемости китайской модели раз-вития стала ведущая роль государства в процессе модернизации, реализуемая в укреплении положения КПК в жизни китайского общества. Одновременно Китай сдержанно вел себя в мировой политике. Республика нечасто исполь-зовала право вето в Совете Безопас-ности ООН. В то же время китайские дипломаты настойчиво и последова-тельно отстаивали принцип *суверени-тета* при разрешении региональных конфликтов, тем самым расширяя свое влияние в странах Глобального Юга / Мирового большинства. КНР неизменно противилась вмешательству Запада во главе с США во внутренние дела развивающихся стран, осуществляв-шемуся под отработанным за многие годы предлогом «защиты меньшинств» или «прав человека».

Новая роль Поднебесной в системе международных отношений получает поддержку в форме форсированно-го роста китайской экономики. Сама структура экономики КНР начина-ет энергично меняться. Уже в 1990 г. доля сельского хозяйства в ВВП упа-ла до 30% (с 42% в 1978 г.). Доля про-мышленности, напротив, возросла с 38 до 45%, а услуг – с 20 до 25%⁷. Успешно

7 Report on the State of International System. – Rome: Istituto per Gli Studi di Politica Internazionale, 1992. – P. 68.

развивается и процесс восстановления единства и территориальной целостности Китая. В июле 1997 г. на правах «особого административного района» в состав КНР возвращается Гонконг, сохраняющий свои законы, денежную единицу, пограничный контроль и унаследованную от прошлого партийно-политическую систему; центральная власть в Пекине берет на себя ответственность за внешнюю политику и оборону бывшей английской колонии. (Гонконг, иными словами, становится своеобразным «доминионом» континентального Китая.) Поток прямых иностранных инвестиций в экономику Поднебесной не прерывается. Однако «азиатский финансовый кризис» 1997–1998 гг. всерьез насторожил власти КНР. Вашингтон настаивал на немедленном «открытии» китайского рынка для спекулятивного американского капитала, отчаянно пытавшегося продать Поднебесной свои деривативы. Китайские власти были настроены против осуществления подобных операций, резонно указывая на пагубные последствия подобных действий для хозяйственных систем Тайланда, Южной Кореи, Индонезии и Малайзии. Поднебесная, пишет Дж. Стиглиц, предпочитала прямые иностранные инвестиции, которые «строят заводы» и создают рабочие места, но никак не «горячие деньги», которые блокируют экономический рост и продуцируют экономическую и политическую нестабильность [Stiglitz, 2004, p. 214].

Рост экономики КНР происходит на фоне «увядающей» гегемонии Запада во главе с США. Америка и ее союзники утрачивают экономическое доминирование в постбиполярном мире и тем самым – возможность определять условия развития человечества после «конца истории». Впрочем, для Запада время тревог началось значительно раньше, в начале-середине 1970-х годов,

когда, как тогда казалось, гармоничный рост сменился чередой экономических «шоков», которые пробудили чувства неуверенности в будущем и поставили под сомнение эффективность западной «модели» развития.

Эти «шоки», как отмечалось в экономической литературе 2010-х годов, погрузили мир в наиболее глубокую рецессию за последние 80 лет и разрушили идеологические основы неоллиберального порядка, с помощью которого Запад управлял миром, обеспечивая себе глобальное геополитическое господство. *Первым* геэкономическим и геополитическим вызовом для Запада стало двенадцатикратное увеличение цен на нефть в период между сентябрем 1973 г. и июлем 1980 г. Главной причиной изменения нефтяных цен стало стратегическое решение (вполне укладывавшееся в концепцию «нового мирового экономического порядка») Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК) систематически повышать цены на энергоносители с целью лишения промышленно развитых стран во главе с США их «неоправданно исключительного» положения в мировой экономике. *Вторым* «шоком» для Запада стали последовавшие друг за другом спады промышленного производства середины 1970-х и начала 1980-х годов, непосредственно связанные с «вертикальным» ростом цен на нефть и ставшие следствием глобальной геополитической «турбулентности». Долгосрочным последствием второго «шока» стало резкое удорожание промышленного производства в промышленно развитых странах и начало перемещения промышленности с исторического «севера» в страны Глобального Юга, которые обладали уже тогда квалифицированной и относительно недорогой рабочей силой. С развитием глобализации в 1980-е годы этот тренд приобрел формы *деиндустриализа-*

ции Запада [Jha, 2010, pp. 3–5], которая к концу первой четверти XXI в. оформилась в более или менее завершенные формы. В Китае внимательно наблюдали за этим процессом в свете долгосрочных экономических и внешнеполитических интересов Поднебесной.

Системный кризис Запада вдохновлял Пекин на новые планы и инициативы. Распад Советского Союза сыграл важную роль в реализации «революционной» стратегии китайской дипломатии, постепенно обретавшей уверенность в отношениях с мировыми державами, включая Америку. Так, важной вехой геополитического самоутверждения Китая стало учреждение в 1996 г. «Шанхайского форума» (впоследствии переименованного в Шанхайскую организацию сотрудничества – ШОС) с участием России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Первоначально рассматривавшаяся как инструмент противодействия религиозному экстремизму и торговле наркотиками, а также средство ограничения влияния Америки в центральной Евразии, Шанхайская организация сотрудничества в 2003 г. сформулировала цель построения «нового международного политического и экономического порядка», в которой легко угадывалось стремление Китая и России покончить с господствующим влиянием США и пересмотреть парадигму «сверхдержавной исключительности». Одновременно ШОС превращался в важный инструмент формирования нового мирового порядка, контуры которого были обрисованы в 1964 г. Впоследствии состав участников ШОС неуклонно расширялся, а Китай утверждал себя в качестве одного из геополитических оснований *альтернативного* западному «проекту» мирового устройства. Иными словами, имела место, если пользоваться стилистикой американского экономиста-индолога Ф. Фрэнкел

[Frankel, 2005], «постепенная революция» в сфере внешней политики.

В начале нынешнего века выяснилось, что китайская экономика развивается столь стремительно, что Поднебесная не успевает защитить свои интересы в стратегических зонах мирового пространства от потенциальных военных угроз. Иначе говоря, дипломатическая деятельность требовала укрепления своих усилий военнотехническими инструментами, а также и обновления военной доктрины Китая в целом. На данном направлении внешнеполитической деятельности со стороны официального Пекина были предприняты энергичные действия. «Всепогодный союзник» Пакистан получил 200 млн долл. на создание глубоководного порта Гвадар, находящегося всего в 720 километрах от Ормузского пролива, одной из «критических точек» мировой торговли. (Две другие «точки» – это Баб-эль-Мандебский пролив, регулирующий доступ в Красное море и к Суэцкому каналу, и Малаккский пролив, обеспечивающий следование стратегических грузов из зоны Персидского залива в Юго-Восточную Азию и на Дальний Восток.) Одновременно Поднебесная инициировала переговоры о модернизации глубоководного порта Читтагонг (Бангладеш) с целью защиты китайскими военно-морскими силами водных путей, ведущих к порту Ситве (Sittwe, Мьянма), начальной точке нефтепровода, направленного вглубь территории Китая. В Пекине рассудили примерно так: данные порты станут своеобразной «проекцией» военно-морской силы Поднебесной в сторону Ближнего Востока и Индийского океана, где безраздельно властвовал Пентагон. Параллельно и синхронно происходило совершенствование китайского ракетно-ядерного потенциала, частью которого было успешное тестирование противоспутнико-

вого оружия в январе 2007 г. Чувствуя неизбежное приближение «пробы сил» в отношениях с США, китайские специалисты по стратегии внешней политики сформулировали *триединый* подход к противодействию агрессивному противнику, включавший в себя: 1) собственно военную силу; 2) дипломатию и разведку; 3) внешнюю торговлю, финансы, экономическую помощь зарубежным странам [Qiao Liang, Wang Xiangsui, 1999].

Представляется, что событием, повлиявшим на радикализацию стиля внешнеполитического мышления официального Пекина, стал мировой финансово-экономический кризис 2007–2009 гг. (существует мнение, что данный кризис не закончился и по сей день). Неразбериха, воцарившаяся в американской финансовой системе, убедила китайские власти в правильности избранного курса на контроль над банковским сектором и поддержку предприятий, которые конкретными делами стимулируют занятость населения и обеспечивают социальную стабильность общества. Данная линия внешнеполитического поведения была четко определена премьер-министром КНР Вэнь Жибао на Всемирном экономическом форуме в Давосе (январь 2009 г.). Глава китайского правительства Вэнь Жибао, не называя поименно Америку и другие государства «коллективного Запада», критиковал «неустойчивые модели развития, опирающиеся на низкий уровень накопления и высокий уровень потребления» и на «чрезмерное расширение роли финансовых инструментов в слепой погоне за прибылью при отсутствии самодисциплины у финансовых учреждений и рейтинговых агентств» [Hiro, 2010, p. 183]. Возможно, мировой финансово-экономический кризис и беспомощность Запада во главе с США в его регулировании оконча-

тельно утвердили официальный Пекин в необходимости смены внешнеполитической парадигмы – с «адаптационной» на «ревизионистскую».

* * *

Изучение историй внешнеполитических «революций» в трех ведущих обществах современного мира показывает несколько тенденций, определяющих характер их протекания; на наш взгляд, наиболее значимыми среди этих трендов можно полагать нижеследующие.

1. В современном мире, трансформирующемся из американоцентричного в многополярный, внешнеполитическая «революция» есть результат диалектического взаимодействия факторов политической экономии (успешного социально-экономического развития) и военно-технического прогресса, позволяющего использовать инструментарий «твердой силы» для отстаивания национальных интересов на глобальном уровне. Диалектическое взаимодействие России, Китая и Индии (в БРИКС, ШОС и других форматах) позволяет трем «государствам-цивилизациям» не только отстаивать свои национальные интересы, но и выступать несущими конструкциями нового, справедливого мира.

2. Создание нового мира происходит и под влиянием «демонстрационного эффекта» деятельности этих трех стран, а также других «новых влиятельных субъектов» (*new influentials*) мировой политики, которые своими смелыми действиями освобождают от психологических оков страны, которые относительно недавно встали на путь «пробуждения угнетенных». Полицентрический мир – это пространство самостоятельных и свободных государств, действующих в своих национальных интересах и уважающих национальные интересы других.

3. «Постамериканский мир» [Zakaria, 2008] – это мир горизонтальных связей, свободного обсуждения дискуссионных межгосударственных и глобальных проблем, ибо только откровенный диалог между субъектами международных отношений поможет найти подходы к решению параметрических проблем человечества, включая изменение климата, обеспечение продовольствием, устойчивое развитие без изъятий и исключений и т. п. Подобный диалог невозможен без глобальной внешнеполитической «революции», предполагающей освобождение массового сознания от конструктов зависимости, доставшихся миру от предшествовавших исторических эпох.

4. В новом мире значительная роль будет принадлежать *новым* элитам, руководствующимся в своей деятельности принципами отзывчивости к нуждам «простого человека», заботы о среде обитания и о развитии как об универсальной ценности для поступательной эволюции ойкумены. О роли элит в формировании новой парадигмы общественного развития исчерпывающе высказался видный индийский экономист П.Ш. Джха: «Французская революция (1789–1794) в сущностном отношении была *городским* (курсив мой – А.В.) явлением, раздуваемым неожиданным приступом инфляции и ведомым недовольной интеллигенцией из рядов среднего класса. 80% французов, проживавших в униженной бедности в деревнях с численностью населения менее двух тысяч человек, остались не затронутыми перипетиями данного процесса» [Jha, 2010, p. 244]. Иначе говоря, внешнеполитическая «революция» предполагает воспитание обществом и государством новых элит – всесторонне образованных, свободно мыслящих, способных оценивать ответственность предлагаемых экономических и социальных проектов, непре-

менно сопрягать свою деятельность с интересами и чаяниями массовых слоев населения.

Список литературы

Бьеркегрен Х. Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии. 1906–1917: пер. с швед. – Москва : Омега, 2007. – 544 с.

Капченко Н.И. Политическая биография Сталина. В 3-х томах. Том 2. – Тверь : Северная корона, 2006. – 717 с.

Судейкин А.Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. – Москва : Наука, 1976. – 268 с.

Тойнби А.Дж. Постигание истории : пер. с англ. – Москва : Прогресс, 1991. – 736 с.

Уколова В.И., Шкаренков П.П. Россия и Запад: горизонт вызовов, ответов и угроз в концепции А.Дж. Тойнби // Новый исторический вестник. – 2020. – № 3 (65). – С. 56–78.

Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. – Ленинград : Наука, 1987. – 272 с.

Daulet Singh Z. Power & Diplomacy. India's Foreign Policies During the Cold War. – New Delhi : Oxford University Press, 2019. – 398 p.

Ferdinand P. Communist Regimes in Comparative Perspective. The Evolution of the Soviet, Chinese and Yugoslav Systems. – London : Barnes & Noble Books, 1991. – 332 p.

Frankel F.R. India's Political Economy, 1947–2004. The Gradual Revolution. 2nd ed. – New Delhi, Oxford University Press, 2005. – 819 p.

Gerschenkron A. Continuity in History and Other Essays. – Cambridge, Mass : Harvard University Press, 1968. – 560 p.

Hiro D. After Empire. The Birth of a Multipolar World. – New York : Nation Books, 2010. – 348 p.

Jacques M. When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. – London : Allen Lane, 2009. – 550 p.

Jha P.Sh. India & China. The Battle between Soft and Hard Power. – New Delhi : Penguin-Viking, 2010. – 398 p.

Kissinger H. World Order. Reflections on the Character of Nations and the Course of History. – London : Allen Lane, 2014. – 420 p.

Madhav R. Partitioned Freedom. – New Delhi : Prabhat Prakashan, 2022. – 246 p.

McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity: A Vision of the Future. – London : Harper Collins Publishers, 1995. – 302 p.

Patterns of European Industrialization. The Nineteenth Century / Ed. by R. Sylla, G. Toniolo. – London : Routledge, 1991. – 276 p.

Qiao Liang, Wang Xiangsui. Unrestricted Warfare. – Beijing : PLA Literature and Arts Publishing House, 1999. – 228 p.

Smith D. The Dragon and the Elephant. China, India and the New World Order. – London : Profile Books, 2007. – 266 p.

Stiglitz J. The Roaring Nineties. Why We Are Paying the Price for the Greediest Decade in History. – London : Penguin, 2004. – 389 p.

Zakaria F. The Post-American World. – New York, London : W.W. Norton&Company, 2008. – 292 p.

Political Theory

DOI: 10.31249/kg/2024.05.01

"Revolution and Diplomacy" as a Scientific Challenge

Andrey G. VOLODIN

Dr. Sc (History), Chief Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

CITATION: Volodin A.G. (2024). "Revolution and Diplomacy" as a Scientific Challenge. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 5, pp. 6–26 (in Russian).

DOI: 10.31249/kg/2024.05.01

Received: 28.09.2024.

Revised: 27.10.2024.

ABSTRACT. Drawing on the case studies of Russia, India, and China, this article seeks to examine the interplay between revolution and foreign policy. The author posits that revolution, as both a phenomenon and a process, aims to modernize national economies while augmenting a nation's influence within the international system. For Russia, the February and October Revolutions marked its transition from the 'periphery' of the global system to a significant force in international affairs. Similarly, India and China pursued world power status along their own distinct trajectories. Nevertheless, the shared objective for these major nations – the "Elephant" and the "Dragon" – was to enhance their geopolitical standing in global politics, thereby ensuring the effective protection of their national interests. The article also underscores the importance of the 'demonstration effect' of the foreign policy revolution in Russia, India, and China, which inspired the political 'awakening of the oppressed,' representing the majority of humankind. This awakening is charac-

terized by a growing assertion of political agency and the active defense of the ideas and principles underpinning a new, polycentric world order.

KEYWORDS: Revolution, diplomacy, foreign policy, revolutionary cycle,, Russia, India, China, polycentric world order, 'century of humiliation', 'pressure-compromise-pressure' strategy.

References

Bjorkegren H. (2007). *Scandinavian Transit. Russian Revolutionaries in Scandinavia. 1906–1917*. Moscow: Omega, 544 pp. (transl. from Swedish into Russian).

Daulet Singh Z. (2019). *Power & Diplomacy. India's Foreign Policies During the Cold War*. New Delhi: Oxford University Press, 398 pp.

Ferdinand P. (1991). *Communist Regimes in Comparative Perspective. The Evolution of the Soviet, Chinese and Yugoslav*

Systems. London: Barnes & Noble Books, 332 pp.

Frankel F.R. (2005). *India's Political Economy, 1947–2004. The Gradual Revolution*. 2nd ed. New Delhi, Oxford University Press, 819 pp.

Gerschenkron A. (1968). *Continuity in History and Other Essays*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 560 pp.

Hiro D. (2010). *After Empire. The Birth of a Multipolar World*. New York: Nation Books, 348 pp.

Jacques M. (2009). *When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*. London: Allen Lane, 550 pp.

Jha P.Sh. (2010). *India & China. The Battle between Soft and Hard Power*. New Delhi: Penguin-Viking, 398 pp.

Kapchenko N.I. (2006). *Stalin's Political Biography*. In three volumes. Vol. 2. Tver: Severnaya Korona, 717 pp. (in Russian).

Kissinger H. (2014). *World Order. Reflections on the Character of Nations and the Course of History*. London: Allen Lane, 420 pp.

Madhav R. (2022). *Partitioned Freedom*. New Delhi: Prabhat Prakashan, 246 pp.

McRae H. (1995). *The World in 2020. Power, Culture and Prosperity: A Vision of the Future*. London: Harper Collins Publishers, 302 pp.

Patterns... (1991). Sylla R., Toniolo G. (eds.). *Patterns of European Industrialization. The Nineteenth Century*. London: Routledge, 276 pp.

Qiao Liang, Wang Xiangsui (1999). *Unrestricted Warfare*. Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House, 228 pp.

Shepelev L.E. (1987). *Tsarism and the Bourgeoisie in 1904–1914. Problems of Trade and Industrial Policy*. Leningrad: Nauka, 272 pp. (in Russian).

Smith D. (2007). *The Dragon and the Elephant. China, India and the New World Order*. London: Profile Books, 266 pp.

Stiglitz J. (2004). *The Roaring Nineties. Why We Are Paying the Price for the Greediest Decade in History*. London: Penguin, 389 pp.

Sudeikin A.G. (1976). *The Colonial Policy of the British Labour Party Between the Two World Wars*. Moscow: Nauka, 268 pp. (in Russian).

Toynbee A.J. (1991). *Comprehension of History*. Moscow: Progress, 736 pp. (transl. into Russian).

Ukolova V.I., Shkarenkov P.P. (2020). Russia and the West: the horizon of challenges, answers and threats in the concept of A.J. Toynbee. *New Historical Bulletin*. No. 3 (65), pp. 56–78 (in Russian).

Zakaria F. (2008). *The Post-American World*. New York, London: W.W. Norton&Company, 292 pp.